

18+

Елена Андреевна Шульга

Ритуал вечного молчания

Хроники бессмертной тягости: от целителя
до бога, от надежды — до смеха в пустоте

Камилла Шульга

**Ритуал вечного молчания.
Хроники бессмертной
тягости: от целителя до бога,
от надежды — до смеха в пустоте**

«Издательские решения»

Шульга К. А.

Ритуал вечного молчания. Хроники бессмертной тягости:
от целителя до бога, от надежды — до смеха в пустоте /
К. А. Шульга — «Издательские решения»,

Когда-то он был целителем Элианом, лечившим теплом и добротой. Но мир ответил ему чумой, пожаром и изгнанием. Потеряв всё, он призвал Пустоту, чтобы перестать чувствовать. Пустота согласилась — и подарила ему вечную смерть. Так родился Морвин: бессмертный страж тишины, чьё сердце не бьётся, а взгляд превращает надежду в ледяную скуку. Тысячелетия он играет с людьми, дарит «покой» вместо чувств.

Содержание

Ритуал вечного молчания	6
1 глава	7
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ I	8
ЧАСТЬ II	10
ЧАСТЬ III	11
ЧАСТЬ IV	12
ЧАСТЬ V	13
ЧАСТЬ VI	15
ЧАСТЬ VII	16
ЧАСТЬ VIII	17
ЧАСТЬ IX	18
ЧАСТЬ X	19
ЧАСТЬ XI	21
ЧАСТЬ XII	23
ЧАСТЬ XIII	24
ЧАСТЬ XIV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ритуал вечного молчания Хроники бессмертной тягости: от целителя до бога, от надежды — до смеха в пустоте

Камилла Андреевна Шульга

© Камила Андреевна Шульга, 2026

ISBN 978-5-0070-4576-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ритуал вечного молчания

Аннотация

Трагедия в семи главах, рассказанная хроником падшего мира

Когда целитель Элиан, потерявший семью, дом и веру в людей, призвал Пустоту, чтобы избавиться от боли, он получил не успокоение, а проклятие — Бессмертную Тягость. Его сердце перестало биться, чувства умерли, а новое имя — Морвин — стало синонимом безмолвного ужаса.

Тысячелетие за тысячелетием он играет со скукой вечности, превращая чужие судьбы в жестокие «игры»: поэта, чье бесконечное стихотворение становится одой безумию; рыцаря, чья броня рассыпается от осознания собственной хрупкости; города, что превратился в сад кричащих цветов.

Но когда Морвин устает даже от мучений, он приносит миру окончательный покой — Вечную Ночь, где магия умерла, эмоции застыли, а жизнь превратилась в тихую агонию. Однако даже в пепле тлеют искры сопротивления: оазисы живого света, безумные художники, что продолжают творить в тишине, и наконец — Каэл, рожденный в самой глубине Ночи, чья ненависть к Тьме становится первым за века настоящим пламенем.

Их столкновение с уснувшим богом приводит к неожиданному финалу: Морвин не проигрывает, но... засыпает, оставляя людям их мёртвый мир как странный подарок. А когда он пробуждается, его скука оборачивается безумием чистого абсурда — тотальным торжеством, где сама реальность становится шуткой, а смех — единственным законом.

Это история не о битве добра со злом. Это история о мире, где надежда — уязвимость, любовь — слабость, а человечность — лишь хрупкий цветок на сквозняке вечности. И о том, что даже зная о неизбежном, мы продолжаем строить стены, петь песни и растить грибы в темноте.

Для тех, кто готов смотреть в бездну — не ради ужаса, а ради понимания хрупкости собственного света.

1 глава

ПРОЛОГ

Бессмертная Тягость

Его звали не всегда Морвин. Тысячелетия назад он был Элианом, целителем с руками, знавшими ласку трав и тепло солнца. Он лечил не магией, а вниманием, веря, что доброта — сильнейшее из лекарств. Но жизнь, жестокая ткачиха, сплела для него иной покров. Чума унесла его семью, огонь — дом, а соседи, опасаясь его «невезучей» судьбы, изгнали прочь. Он скитался, искал ответы в древних текстах. Нашёл не ответы, а Пустоту за гранью бытия. В отчаянии он призвал её, желая лишь одного — прекратить боль. Пустота ответила. Она даровала ему успокоение. Он умер.

Но это был не конец. Это было проклятие. Сущность, которую он потревожил, насмешливо вернула его дух в оболочку плоти, наложив печать: «Ты жаждал покоя от страданий живой жизни. Получи покой смерти. И носи его с собой. Вечно».

Так родился Морвин. Его сердце больше не билось. Кровь в жилах была холодным пеплом. Он не чувствовал ни тепла солнца, ни укуса ветра, ни вкуса вина. Прошла сотня лет. Он видел, как рушатся империи, которые он когда-то лечил. Ещё сотня. Языки, на которых слагали ему благодарности, превратились в прах. Он стал свидетелем бесконечного цикла: надежда — страдание — смерть. Всё, к чему он когда-то прикасался с любовью, рассыпалось. Только он оставался. Нерушимый. Нечувствующий. Скучающий.

За тысячу лет он освоил всю тёмную магию не из жажды власти, а от тотальной, всепоглощающей скуки бессмертия. Он изучил каждый шепот тени, каждый стон проклятой земли. Он стал её абсолютным властелином, потому что был ею родственен. Он и был олицетворённой, разумной смертью, ходячей могилой.

ЧАСТЬ I

Зевота вечности и игры в мучения

Тысячелетие — это слишком долго даже для мёртвого. Когда вечность становится твоей тюрьмой, а пустота — единственной пищей, рождается нечто худшее, чем злоба: леденящая скука. Морвин пресытился созерцанием увядания. Тишина, которую он нёс, начала раздражать его собственные мёртвые нервы. Ему захотелось... звука. Не музыки, нет. А хруста ломающихся судеб. Ему стало интересно, как долго может продержаться свет в глазах существа, прежде чем окончательно погаснуть. Так родились его Игры.

Первую игру он назвал «Поэт и Бесконечное Стихотворение.»

В столице одного забытого королевства жил поэт Лориэн, воспевавший бессмертные души в своих одах. Морвин, проходя мимо, услышал это. Его пустой взгляд остановился на юноше. — Ты веришь в бессмертие красоты? — спросил его ровный, манящий голос.

— Всем сердцем, господин! — воскликнул поэт, не в силах отвести взгляд от этих ужасных, притягательных глаз.

— Проверим.

Морвин коснулся его лба. Проклятие не причинило боли. Оно дало вдохновение. Неистовое, всепоглощающее. Лориэн схватил перо. Он начал писать. Он не мог остановиться. Он писал на стенах, на полу, на собственной коже. Стихи становились всё мрачнее, бессвязнее, превращаясь в бесконечный поток безумия и отчаяния. Он не ел, не пил, не спал. Его семья пыталась остановить его, но он бился в истерике, если у него отбирали перо. Он прожил так три недели, источая из себя великую, никчемную поэму агонии, пока его сердце не разорвалось от напряжения. Морвин наблюдал за этим со своего постоянного двора, как человек наблюдает за сложным экспериментом. Последнюю исписанную кожу поэта он забрал себе

— как сувенир. Было... интересно.

Вторая игра «Рыцарь-непобедимый и Проклятие Хрупкости.»

Сэр Годрик, победитель турниров, чья стальная броня не знала вмятин, хвастался в таверне, что страх неведом ему. Морвин подошёл к его столу. Все замолкли, не в силах выдержать его присутствие.

— Ты не знаешь страха? — голос Морвина был тише шелеста савана.

— Это ошибка. Страх — это осознание ценности. Дай я подарю тебе... осознание.

Он не стал ломать ему кости. Он изменил реальность вокруг него. Предметы в руках Годрика стали невесомо хрупкими. Чаша разлетелась в пыль от прикосновения. Рукоять меча рассыпалась, как песок. Потом это коснулось его самого. Его собственная броня, от малейшего движения, начала звенеть трещинами. Костью под ней грозили сломаться от неловкого шага. Мир для него превратился в паутину из тончайшего стекла. Шепот ветра звучал как грохот обвала. Каждое дыхание было пыткой осознания собственной уязвимости. Рыцарь, некогда бесстрашный, заполз в самый тёмный подвал и замер там, дрожа от каждого звука, боясь собственного сердцебиения. Он не умер. Он существовал в вечном, животном ужасе. Морвин навещал его раз в десятилетие, чтобы тихо спросить: «Ну как, сэр? Понял ли ты теперь ценность силы?» И наблюдал, как тот безумно закатывает глаза, не в силах даже закричать.

Третья игра «Испепеляющий Взгляд.»

Бывало и проще. Иногда скука была особенно густой. В одном из селений дерзкий староста приказал ему «убраться прочь, бледный пропойца». Морвин просто взглянул на него. Не с гневом. С лёгким, скупающим любопытством. Взгляд его пустых глаз сфокусировался на мужчине. Сначала одежда старости почернела и осыпалась пеплом. Потом кожа. Потом мышцы. Процесс был не мгновенным. Он длился ровно столько, сколько нужно, чтобы жертва полностью осознала, как от неё расползается небытие. Через минуту на земле лежала небольшая кучка тёплого пепла, сохранившая, кажется, на миг форму кричащего рта. Тишина в селении после этого была такой глубокой, что слышно было, как падают пылинки. Морвин медленно обвёл взглядом остальных жителей. Никто не посмел издать звук. Он развернулся и ушёл, слегка раздражённый. Это было слишком просто. Недостойно вечности.

Четвертая «Болезнь для Целого Города.»

Однажды его разозлила не грубость, а... надежда. Городок, поражённый чумой, молился в своём храме, и их коллективная вера создала слабое, но заметное свечение — барьер от отчаяния. Это свечение резало его мёртвое восприятие, как фальшивая нота. Он вошёл в храм. Молящиеся замерли, парализованные его видом.

— Вы просите избавления от одной болезни, — прозвучал его манящий шёпот, заполнивший всё пространство.

— Я дам вам болезнь, которая научит вас не просить.

Он сжал ладонь в кулак, и в воздухе возникло чёрное, пульсирующее семя. Он бросил его на пол храма. Оно разбилось, и пошла волна не чумы, а Проклятия Цветения. Болезнь не убивала. Она преображала. На коже людей начинали прорастать прекрасные, ядовитые цветы ночного цвета. Они питались болью и страхом. Чем сильнее был ужас жертвы, тем пышнее и ароматнее было цветение, пока человек не превращался в живое, кричащее растение, корнями враставшее в землю. Город стал садом ужасающей красоты, где вместо пения птиц слышался тихий, непрекращающийся стон. Морвин иногда приходил туда, чтобы погулять среди своих «клумб», вдыхая запах страха и разложения. Это было... эстетично.

Эти «игры» были не проявлением ярости, а попыткой развеять туман бесконечности. Каждая сломанная душа была сложной игрушкой, которую он в конце концов бросал, когда понимал её механику. И с каждой такой игрой мир вокруг него становился чуть тише, чуть темнее, чуть больше похожим на внутренний пейзаж его собственной, вечно скупающей, мёртвой души. Он готовил почву для Великой Тишины, даже не осознавая этого, просто пытаясь убить время, которое для него давно уже умерло.

ЧАСТЬ II

Спокойное Нашествие

Однажды он решил прийти в Альваринец, но не с армиями, а в одиночестве. Город, лоснящийся от самодовольного счастья, был для него как яркая, но нелепая игрушка. Его голос, когда он обращался к Стражам у врат, был манящим, спокойным и однотонным, как глубокое течение, увлекающее на дно: — Я ищу знаний ваших архивов. Я много путешествовал. Стражи, встретив его мёртвый, пустой взгляд, поежились. Смотреть в эти глаза было все равно что смотреть в глухую, высохшую колодезную шахту — там не было ни души, ни отражения, только древний холод и обещание забытья. Никто не мог выдержать этого взгляда долго. Они пропустили его, поспешно отведя глаза, списав дискомфорт на усталость.

В архивах он не листал книги. Он проводил над ними ладонью, и пергамент старился на века за секунду, превращаясь в пыль. Он не воровал знания — он стирал их, как стирал с лица земли города, которые ему надоедали. Маги, почуяв нарушение в магических полях, явились к нему. — Что ты творишь, нежить? — крикнул огненный маг Игнис. Морвин медленно повернул к нему лицо. Его взгляд был не злым. Он был пустым. Игнис, встретившись с ним глазами, вдруг почувствовал ледяную тяжесть в груди. Ему вспомнилось, как в детстве он боялся темноты в подвале, но это был страх перед отсутствием, а не перед монстром. Он отступил, бледнея.

— Я не творю, — голос Морвина был ровным, без эмоций. — Я завершаю. Ваши знания — это попытка беседовать с рекой, которая унесёт ваши кости. Зачем?

Он ушёл, оставив после себя не разрушение, а увядание. Цветы в вазах Святилища не завяли — они окаменели, превратившись в серые, пыльные скульптуры самих себя. Это было страшнее любого тления.

ЧАСТЬ III

Искушение Покоем

Теперь Морвин понял, что проклятья и издёвки над людьми уже скучны. И он тогда принял для себя такие меры... Морвин теперь не нападал на людей. Он решил разговаривал с ними. И его слова были опаснее любого заклинания. Он находил тех, кто устал: старика, тоскующего по умершей жене; солдата, пресыщенного резнёй; художника, разочарованного в своём даре. Его манящий, спокойный голос звучал в их умах:

— Ты устал бороться. Я понимаю. Это бесконечно. А можно просто... перестать. Не умереть. Перестать чувствовать. Я подарю тебе покой, который не знает снов.

И он касался их плеча. Не холодной рукой, а рукой, лишённой температуры вовсе. И горе, страх, тоска в человеке... замораживались. Превращались не в отсутствие чувств, а в огромную, тяжёлую глыбу льда в груди. Человек переставал плакать, смеяться, желать. Он становился идеально спокойным. И абсолютно пассивным. Такие люди просто садились на землю и смотрели в пустоту, пока их тело не угасало от голода и жажды. Это была не смерть от магии. Это была капитуляция духа перед его вечной, мёртвой тишиной.

Маги пытались лечить этих «окаменевших». Свет их заклинаний разбивался о внутренний лёд, не растапливая его, а лишь делая твёрже. Они поняли: он не использует магию в привычном смысле. Он просто делится своим состоянием. Состоянием вечного, неживого покоя. И это заразно.

ЧАСТЬ IV

Исповедь Мёртвого

Бога Маги, собрав последние силы, вызвали его на финальную встречу в Зале Источников, где бился магический ключ Альваринца. Морвин пришёл. Он не был похож на злодея из саг. Он был похож на забытую статую, ожившую по ошибке. Старший маг, с дрожью в голосе, спросил:

— Зачем? Зачем ты это делаешь? Что мы тебе сделали? Морвин смотрел на бурлящий, полный жизни источник. В его пустых глазах на миг отразилось что-то, похожее на... воспоминание.

— Когда-то, — заговорил его ровный, манящий голос, — я чувствовал боль утраты. Жгучую, всепоглощающую. Я выпросил у Судьбы конец. Мне дали конец чувств. Теперь я несу этот конец с собой. Вы называете это тьмой? Вы ошибаетесь. Это не тьма. Это окончание. Окончание боли, надежды, страха, любви. Окончание шума. Вы все кричите внутри от своего ничтожного бытия. Я предлагаю тишину. Вечную, глубокую, совершенную тишину. Я не ненавижу ваш свет. Я предлагаю вам то, что вы сами втайне жаждете: покой, где не нужно больше стараться, хотеть, быть.

Он хотел подойти к Источнику..

ЧАСТЬ V

Улыбка над бездной

Когда Морвин начал подходить, то Маги Альваринца, доведённые до отчаяния чередой кошмаров и чтобы не было проблем, заранее подготовили план и всё таки решились на этот отчаянный шаг. Они не стали вызывать его на бой — они применили древнейший ритуал Призыва и Заточения, хранимый в запретных свитках. Ритуал требовал жертвы: жизни самого чистого из них, чтобы создать клетку из первозданного Света, непроницаемую даже для вечной тьмы. Эту жертву принесла юная ученица Лира, чья магия была слаба, но чьё сердце не знало ни капли зла.

И это сработало... Отчасти... Морвин, когда шёл, он зашёл в круг из лунного серебра и слёз единорога на вершине Горящей Горы. Когда он ступил в центр, Лира, срывающимся от ужаса голосом, завершила заклинание. Из её груди вырвался поток ослепительного, бело-золотого пламени. Оно не жгло — оно плело. Сплетаясь в невидимую глазу решётку, оно сомкнулось вокруг Морвина, заточая его в сияющий саркофаг.

Маги выдохнули. Впервые за месяцы ужаса они увидели его скованным. Энергия клетки питалась чистотой жертвы и должна была длиться вечно, медленно, но верно растворяя его сущность.

Первые сутки:

Морвин стоял неподвижно. Его пустой взгляд был обращён внутрь. Он изучал клетку. Он чувствовал жар чистоты — давно забытое, почти ностальгическое ощущение. Было... интересно. Сложная игрушка.

Неделя:

Маги дежурили у круга, поддерживая барьер. Они уже начинали говорить о надежде. Может, его можно не уничтожить, а просто держать здесь, вечно? Внезапно, однажды на рассвете, Морвин пошевелил пальцем. Просто согнул указательный палец. От этого жеста не дрогнули руны, не треснул свет. Но у Старшего мага, наблюдавшего за ним, из носа хлынула струйка крови. Он почувствовал, как что-то огромное и холодное толкнулось изнутри клетки, проверяя её на прочность не силой, а массой. Массой прожитых веков.

Месяц:

Морвин начал говорить. Его манящий, ровный голос звучал сквозь стену света, не ослабевая.

— Девочка, что отдала свою душу... Её звали Лира? У неё был родинка на левой щеке. И она боялась темноты в спальне. Она думала об этом в последний миг. О тёмном уголке под кроватью. Смешно, не правда ли?

Его слова были точны, как лезвие скальпеля. Он описывал их самые потаённые страхи, сны, которые они сами забыли. Он говорил о том, как Старший маг в детстве утопил котёнка, и с тех пор боится воды. Как маг огня на самом деле тайно ненавидит пламя, потому что оно сожгло его отца. Он не кричал, не угрожал. Он просто... озвучивал. И с каждым его словом

внутренняя тьма в слушателях шевелилась, откликаясь на зов родственной души. Сила жертвы Лиры держала клетку, но их собственная, живая тьма начинала её разъедать изнутри.

ЧАСТЬ VI

Разрыв.

В ночь, когда луна была скрыта тучами, Маги, измождённые, собравшие последние силы для подзарядки круга, увидели, как Морвин медленно поднимает голову

. — Вы построили эту клетку на чистоте одной души, — произнёс он. Его голос потерял часть своей монотонности, в нём появились... полутона. Полутона ледяной насмешки

. — Но вы забыли спросить себя: а что такое чистота? Это просто отсутствие пятен. Пустота. Как и я. Вы заперли одну пустоту в другой.

Он приложил ладонь к внутренней стенке светового саркофага. И начал не ломать её, а наполнять. Он не посылал против неё тьму. Он изливал в неё свою скуку. Весомость тысячи лет, в течение которых не происходило ничего нового. Оглушительную тишину своей бессмертной памяти. Тяжесть бесконечного «завтра», точно такого же, как «вчера». Световая решётка начала не трескаться, а мутнеть. Она теряла сияние, становясь тусклой, серой, инертной. Она не разрушалась — она выдыхалась, как выдыхается последняя надежда.

— Ваша сила — в вере, в эмоциях, в порыве, — продолжал он, и его слова теперь звучали как похоронный звон.

— А моя сила — в их отсутствии. Я — тишина после крика. Я — усталость после битвы. Я — ничто, которое всегда ждёт в конце всего. И вы принесли мне в жертву самое близкое к этому ничто, что у вас было — невинность. Вы сами протянули мне ключ.

Свет погас. Не с грохотом, а с тихим, жалким пищиком, как гаснет последняя искра в камине.

И тогда это случилось. Впервые за тысячу лет. Морвин улыбнулся.

Это не была улыбка живого человека. Уголки его губ не дрогнули в тепле радости. Вместо этого, его губы, бледные и тонкие, медленно раздвинулись, обнажив ровный ряд зубов, которые в полумраке казались слишком белыми, слишком острыми. Это был механический оскал, лишённый всякого смысла, кроме одного — торжествующей, леденящей злобы. В его мёртвых, пустых глазах не вспыхнуло огня — в них, казалось, на мгновение сфокусировалась вся чернота вселенной, ставшая осознанной и насмешливой. Эта улыбка была тише крика и страшнее любой гримасы ярости. Она говорила: «Смотрите. Вот он, ваш конец. И он смешон».

— Спасибо за игру, — прошептал он тем же манящим, спокойным голосом, и от этого контраста между тоном и улыбкой кровь в жилах Магов превратилась в лёд.

— Она была... замечательна. Особенно финал.

Он не стал их убивать заклинанием. Он просто отпустил их. Отпустил в мир, который теперь знал, что против него нет защиты. Что сама чистота и надежда — лишь удобное топливо для его вечной, скукающей пустоты. Маги не побежали. Они поплыли, спотыкаясь, не в силах оторвать глаз от этой мёртвой, злой улыбки, которая навсегда врезалась в их души, став последним, что они видели перед тем, как погрузиться в наступающую Тьму.

А Морвин, с той же застывшей улыбкой на лице, медленно подошел к их источнику и сказал:

— Этот шум жизни... он так напрягает. — И он коснулся воды.

ЧАСТЬ VII

Вечерняя Заря

Вода не почернела. Она остановилась. Магия, бившая из неё ключом, замерла и испарилась, как последний вздох. Волна абсолютной, мёртвой тишины пошла от источника, незримая и неостановимая. Она не убивала. Она выключала. Выключала магию. Заклинания Магов, которые ушли и замерли на их устах, став бессмысленным набором звуков. Выключала эмоции. Ужас на лицах людей сменился пустым, спокойным равнодушием. Они перестали бояться. Выключала саму жизнь в её активном, гореническом смысле. Растения не погибали — они просто переставали расти. Птицы замирали на ветках, не падая, застывшие в последнем мгновении полёта. Свет не боролся с тьмой. Он угасал, потому что некому и незачем стало его поддерживать. Солнце садилось за горизонт, и наступила ночь. Но эта ночь была иной. Звёзды не зажглись. Луна не взошла. Над миром опустилась бархатная, абсолютная, непроглядная тьма. Не враждебная, а равнодушная. Как взгляд Морвина.

Он стоял на вершине бывшей башни Святилища, один в новом мире. Его чёрные одежды слились с темнотой. В его мёртвых глазах, наконец, отразилось то, что он создал. Полное соответствие внешнего мира его внутреннему состоянию. Он не смеялся. Не ликовал. Он обрёл, наконец, гармонию. Мир стал таким же, как он: вечным, холодным, тихим и мёртвым. Он больше не был чужаком. Он был его властелином, потому что был его сущностью. Его спокойный, манящий голос прошелестел в кромешной тишине, обращаясь уже ни к кому: — Всё кончено. Больше не будет больно. Больше не будет шума. И воцарилась Тьма. Не как разрушение. А как вечный, бесконечный, безмятежный покой могилы, в которой теперь спал весь мир. А его страж, Морвин, с его пустым взором и манящим шёпотом, наконец-то перестал скучать. Ибо вокруг была лишь вечная ночь, и он был её единственным, неоспоримым, холодным сердцем.

ЧАСТЬ VIII

Анатомия тишины

Вечная Ночь не была просто отсутствием света. Это был новый физический закон, излившийся из самого сердца Источника Альваринца и расплзавшийся, как чернильное пятно по пергаменту реальности. Она несла в себе проклятие Морвина — Бессмертную Тягость — в виде пассивного, но неумолимого поля.

Магия умерла первой. Не как сила, а как язык. Заклинания стали бессмысленным бормотанием. Руны на стенах рассыпались в пыль, не из-за разрушения, а из-за забвения — сама вселенная перестала распознавать их значение. Магические артефакты превратились в бесполезные безделушки: жезлы не стреляли молниями, амулеты не защищали, кристаллы хранили лишь тусклое воспоминание о внутреннем свете. Это было не насилие, а амнезия мира. Магия забыла, как быть магией.

Затем угасли эмоции. Процесс был коварным, похожим на медленное обморожение души. Яркие чувства — ярость, экстаз, безумная любовь, панический страх — потухли, как искры. Осталось лишь плоское, серое равнодушие, изредка нарушаемое тупым, отстранённым удивлением или слабой дымкой тоски, источник которой уже нельзя было вспомнить. Люди перестали плакать над умершими детьми и смеяться над шутками. Они просто констатировали факты. «Ребёнок не двигается. Его нужно убрать». «Губы скривились. Вероятно, это был смех». Любовь стала сделкой, дружба — привычным соседством. Это был не конец страданий, как обещал Морвин, а конец их противоположности. Жизнь стала монотонной функцией.

Наконец, замерла сама жизненная сила. Не в виде массовой смерти — смерть была слишком ярким событием. Жизнь просто... остановилась на паузе. Беременные женщины носили нерождённых детей бесконечно — те не росли и не умирали. Рань не заживали и не гноились. Старики не умирали от старости, они просто существовали, медленно, год за годом, теряя память и волю, пока не превращались в немые, неподвижные статуи, всё ещё дышащие раз в час. Растения не давали новых побегов. Реки текли лениво, словно сквозь патоку. Время не исчезло, но растянулось, потеряло свой ритм.

И царила Тишина. Не та благоговейная тишина библиотеки или снежного леса, а абсолютная, подавляющая. Звуки гасли, не долетев до уха. Шёпот был слышен лишь самому шепчущему. Голос, пытавшийся закричать, терял силу на полпути из гортани, превращаясь в беззвучный выдох. Мир погрузился в глухую вату небытия.

Морвин странствовал по этому новому миру. Он шёл по улицам Альваринца, где люди двигались медленно, как под водой, их глаза были пусты и отражали лишь тусклый свет серых факелов (пламя тоже стало вялым и бесцветным). Они смотрели на него без страха, без ненависти, без любопытства. Смотрели так, как смотрел бы камень на другой камень. И это было совершенством. Внешний мир стал точным слепком его внутренней вселенной. Он наконец-то был дома.

ЧАСТЬ IX

Зерно в пепле: последние искры

Но даже в идеально вытопленной печи могут тлеть угольки. Вечная Ночь была неполной. Сам акт её творения оставил в мире трещины — последствия ритуала Лиры и сопротивление самой материи реальности.

1. Слёзы Единорога:

Ритуал заточения использовал слёзы единорога — субстанцию чистой, дикой жизни, не запятнанной сознанием. Эта энергия, разбросанная при разрушении круга, не испарилась. Она ушла вглубь, в самые потаённые места мира: в корни древнейших деревьев, в сердца подземных пещер, в истоки немногих ещё живых родников. Там она пульсировала слабым, тёплым светом, создавая микроскопические «карманы сопротивления» размером с поляну или пещерный зал. В этих местах тишина была не такой абсолютной, время текло чуть быстрее, а чувства притуплялись, но не умирали полностью. Это были оазисы не жизни, а её призрака.

2. Осколки Сердца:

Жертва Лиры, её чистота и страх, тоже не исчезли бесследно. Они воплотились в странных феноменах. В некоторых местах, особенно там, где пролилась её кровь или где её дух боролся с Морвином, возникали «Эхо». Призрачные, едва слышные шёпоты надежды, детский смех, тут же обрывающийся рыданием. Эти Эхо были безвредны, но раздражали Морвина, как комар в мёртвом ухе — не больно, но назойливо, напоминая о том, что акт полного уничтожения не был абсолютным.

3. Искусство и Боль:

Последним бастионом оказалось не геройство, а искусство. В некоторых существах — в художнике, который видел красоту в уродстве, в музыканте, слышавшем музыку сфер в тишине, в безумном поэте, подобном Лориэну — процесс творчества был не магией, а формой помешательства, личным проклятием. Их внутренний мир был настолько искажён, что гармонизирующая пустота Морвина не могла его до конца выровнять. Они не могли творить новое, но могли бесконечно, с маниакальным упорством, повторять обрывки того, что создали до Ночи: один и тот же мотив на расстроенной лютне, один и тот же рисунок углём на стене, одно и то же бессмысленное стихотворение. Это не была жизнь. Это был нервный тик души, последняя судорога утопающего сознания.

Морвин знал об этих аномалиях. Сначала они его заинтересовали — новые, пусть и убогие, игрушки. Он посещал оазисы, наблюдая, как горстка существ пытается строить подобие общества в свете угасающих «слёз». Он слушал Эхо Лиры, разбирая её детские страхи, как учёный разбирает интересный труп. Он наблюдал за безумным художником, который два года рисовал один и тот же глаз на пергаменте, пока его рука не окостенела.

Но скоро ему стало скучно. Зерно не проросло. Искра не разгоралась. Это были не ростки нового, а тлеющие угли старого мира. И они тоже медленно угасали под неумолимым давлением Ночи. Морвин решил, что они не представляют угрозы. Они были просто более сложными узорами на гобелене его вечного покоя.

ЧАСТЬ X

Тягость стража: рождение сомнения

Прошли десятилетия. Века. Время потеряло смысл даже для Морвина. Он стал не активным властелином, а стражем собственного музея. Он сидел на троне, вырубленном из черного базальта на вершине самой высокой горы бывшего континента (горы, которая больше не подвергалась эрозии), и смотрел вниз на мир-труп.

*И впервые за тысячелетия он почувствовал не скуку.
Он почувствовал... тягость.*

Это было не то чувство, что испытывали живые. Это было осознание абсолютной завершенности. Он достиг цели. Он принёс миру покой. И теперь с этой целью было покончено. Не осталось ничего, что можно было бы завершить. Не осталось души, которые можно было бы сломать. Не осталось надежд, которые можно было бы погасить. Даже его собственное бессмертие, бывшее проклятием, стало просто фактом, таким же неопровержимым и неинтересным, как вечный камень под ним.

Его разум, острый и древний, начал поедать сам себя. Он перебирал воспоминания. Не ради ностальгии — её не было, — а как архив, в котором искал ошибку, изъят в своём великом проекте. Он вспоминал глаза Лиры в последний миг. Не страх, а непонимание. Она не понимала, зачем умирает. Он вспоминал поэта Лориэна, чьё безумие было ярче, чем вся последующая вечность. Он вспоминал запах страха в проклятом цветущем городе — отвратительный, но... насыщенный.

В его совершенном, безмолвном мире не было ни капли непонятого. Не было запахов. Не было вкусов. Не было неожиданностей. Его собственная тишина, которой он так жаждал, стала его тюремной камерой. Раньше мир был шумным, и он, как островок тишины, чувствовал свою особенность. Теперь, когда весь мир стал тихим, он растворился в нём. Он был не богом, а просто частью пейзажа. Самым большим, самым древним камнем.

Сомнение, холодное и острое, как шило из льда, пронзило его. А что, если он ошибся? Не в жестокости, а в самой цели? Что, если покой — это не конец страданий, а их бесконечное продление в форме отсутствия всего? Что, если истинный покой был ему недоступен по определению его проклятия, и он просто проецировал свою болезнь на всю вселенную?

Это сомнение не вызывало в нём мук совести. Совесть умерла с Элианом. Оно вызывало метафизический зуд. Чувство незавершенности в завершенном мире. Ошибки в безупречном уравнении.

И тогда, в глубине своей мёртвой души, Морвин впервые за всю вечность захотел. Не избавиться от скуки. Не развлечься. Он захотел... опровержения. Он захотел, чтобы в его идеальную, мёртвую систему вклинилось нечто, что он не мог предсказать. Нечто, что нарушило бы тишину не криком (крик он мог погасить), а... новой нотой. Нотой, которой не должно было существовать.

Но как создать то, что должно противоречить всему твоему естеству и всем законам твоего мира? Ты не можешь. Ты можешь лишь ждать. Или... подсветить самые тёмные уголки, чтобы посмотреть, не прячется ли там что-то, что ты упустил.

ЧАСТЬ XI

Последняя игра: создание противника

Это стало его последней и самой изощрённой игрой. Игрой с самим собой. Он решил сознательно ослабить своё влияние в одном из самых больших «оазисов» — в глубокой подземной пещере, где свет Слёз Единорога был ярче всего, а Эхо Лиры звучали чаще. Он не просто перестал давить на это место. Он незаметно, как садовник, удобряющий почву, начал подпитывать его.

Откуда он брал «удобрение»? Из памяти. Из выхолощенных эмоций угасающего мира. Он собирал крупницы давно забытого страха, каплю окаменевшей ярости, щепотку искорёженной любви из глубин своих воспоминаний. Он сплетал их в тончайшую, невидимую нить и направлял в оазис, не нарушая его внешнего спокойствия, но подливая яд брожения в стоячее болото его существования.

Он наблюдал. Столетиями. Он видел, как обитатели оазиса — горстка бывших магов, солдат, простых горожан — начали меняться. Их плоское равнодушие сменилось сначала раздражительностью, потом тупой агрессией, потом странными вспышками чего-то, напоминающего солидарность. Они начали не просто существовать, а бороться — за ресурсы, за пространство под светом, за власть. Их борьба была уродливой, жестокой, бессмысленной. И для Морвина она была прекраснее любой симфонии. Это был шум. Настоящий, живой, непредсказуемый шум.

А потом, среди этого хаоса, появился Он.

Его звали Казл. Он был сыном женичины, зачавшей его ещё до Ночи и родившей в оазисе. Он никогда не знал солнца. Он вырос под тусклым светом Слёз и под шёпот Эхо Лиры, которые для него были не воспоминаниями, а частью реальности. Но в нём было нечто уникальное. Его душа, сформированная в этом тигле остаточной жизни и подпитанная тёмным «удобрением» Морвина, не просто сопротивлялась Ночи. Она её не признавала.

Казл был... неправильным. Он не был героем. Он был фанатиком. Он слышал в Эхо Лиры не детский страх, а призыв. Ему казалось, что шёпот — это голос погибшей богини, призывающий его вернуть свет. Его разум, не отравленный памятью о старом, ярком мире, не стремился к нему. Он стремился к чему-то новому. К свету, который не будет ласковым, а будет жгущим. К огню, который не согревает, а очищает через уничтожение. Он ненавидел не только Ночь, но и вялую, компромиссную жизнь оазиса. Он видел в своих сородичах трусов, приспособленцев.

И главное — в нём, единственном из всех, горела настоящая, неистовая эмоция. Не остаток, не эхо, а яркое, жгущее пламя фанатичной ненависти. Ненависти к Тьме, олицетворением которой для него стал Морвин (легенды о котором передавались в оазисе как сказки о призраке). Эта ненависть была настолько сильной, что она пробивала апатичное поле Ночи вокруг него, создавая едва заметный ореол искажения. Он мог крикнуть — и его крик был слышен на несколько шагов дальше, чем у других. Его удар был яростнее. Его взгляд — не пустой.

Морвин наблюдал за Казлом с трепетом коллекционера, нашедшего идеальный экземпляр. Вот он — его опровержение. Существо, рождённое из его же мира, из его же отчаяния,

но несущее в себе семя чего-то абсолютно иного. Не жизни старого типа, а новой формы существования — существования через отрицание, через чистую, непримиримую войну с самим состоянием покоя.

И Морвин решил помочь ему. Не явно. Он начал аккуратно, через намёки в тех же Эхо, через случайно найденные Казлом обрывки древних знаний (которые Морвин сам подбросил), направлять его. Не к победе, конечно. А к конфронтации. Он лепил из Казла своего личного антихриста, мессию ненависти, чьей единственной целью было дойти до Черного Трона и сразить Стражника Ночи.

ЧАСТЬ XII

Война против покоя

Каэл, ведомый «знамениями» (которые творил Морвин), объединил вокруг себя таких же фанатиков. Их было немного — десяток. Они назвали себя «Пробуждёнными» или «Жалящим Светом». Их идеология была проста: любое движение, любая боль, любая ярость лучше спокойствия. Они начали войну сначала с обитателями оазиса, объявив их предателями жизни. Это была короткая, жестокая резня, освящённая их искажённой верой.

Затем, вооружившись оружием, закалённым в слабом пламени оазисного сердца, и ведомые Каэлом, чья ненависть работала как компас, указывающий на Морвина, они отправились в путешествие по мёртвому миру.

Их поход стал легендой ещё до его завершения. Они шли сквозь застывшие леса, где листья не шелестели. Пересекали равнины, где трава ломалась под ногами с сухим, одиноким хрустом. Они сражались не с монстрами — монстров не было. Они сражались с самой реальностью. Апатия Ночи пыталась усыпить их, вытянуть из них силу. Но ярость Каэла, подпитываемая его последователей, создавала вокруг них пузырь искажённого пространства, где их эмоции горели чуть ярче.

Они дошли до подножия Черной Горы. Процессия жалких, измождённых, но горящих ненавистью существ, поднимающихся к трону бога, который позволил им это сделать.

Морвин ждал их. Не с армией. Он ждал в одиночестве. Его скука исчезла. Его тягость сменилась... предвкушением. Наконец-то, через тысячелетия совершенного покоя, должно было случиться нечто, что он не мог целиком предсказать. Исход битвы был предрешён, конечно. Но сам процесс... Отчаяние в их глазах, последняя ярость перед угасанием — это могло стать глотком крепкого вина после вечной дистиллированной воды.

ЧАСТЬ XIII

Война против покоя и последний расчёт

Поход «Жалящего Света» стал не подвигом, а медленной агонией, растянутой на годы. Они шли сквозь мир-труп, и каждый шаг стоил им частицы их ярости. Апатия Ночи высасывала из них волю, как песок влагу. К подножию Черной Горы добрались лишь Каэл и трое его самых фанатичных последователей. Остальные либо застыли в пути, погрузившись в равнодушие, либо покончили с собой, не в силах вынести контраста между их внутренним пламенем и внешним холодом.

Морвин наблюдал за их приближением. Интерес сменился... усталостью. Он видел, как его творение — Каэл — догорает, как искра на ветру. Скоро он дойдёт до вершины, и произойдёт не великая битва, а жалкое затухание. Его ненависти хватит лишь на один удар, который растворится в поле абсолютного покоя. И снова будет тишина. Та же самая, предсказуемая тишина.

И в этот момент в Морвине, в его древнем, мёртвом сознании, созрело решение. Последний, самый изощрённый ход в игре с самим собой. Что, если не дать искре угаснуть? Что, если дать ей почувствовать победу? Пусть мнимо. Пусть на мгновение. Победа рождает надежду. Надежда, вспыхнув в этом мёртвом мире, станет самым ярким, самым болезненным, самым интересным событием за последние эпохи. А потом её можно будет наблюдать — как она будет угасать, искажаться, превращаться во что-то новое без его участия. Это будет спектакль, поставленный им, но с непредсказуемым вторым актом. А он... он сможет отдохнуть. Не от скуки, а от активного ожидания. Погрузиться в сон, зная, что мир, возможно, приготовит ему сюрприз к пробуждению.

Это был не акт милосердия. Это была высшая форма эгоизма и любопытства.

ЧАСТЬ XIV

у чёрного трона: ритуал поражения

Каэл и трое его воинов вступили на вершину. Они были тени себя прежних — измождённые, с потухшими глазами, в которых тлели лишь угольки былой ярости. Увидев Морвина, сидящего на троне из чёрного базальта, они не закричали. Они просто остановились. Даже ненависть требовала сил, которых почти не осталось.

Морвин поднял на них свой пустой взгляд. Но на сей раз в его голосе, когда он заговорил, не было ни манящей интонации, ни насмешки. Голос был плоским, констатирующим, как чтение давно известного приговора.

— Вы дошли. Последний вздох сопротивления в лёгких мира. Это достойно уважения.

Каэл попытался что-то выкрикнуть, но издал лишь хрип.

— Твоя ненависть была... красивой, — продолжал Морвин, медленно поднимаясь с трона. — Как узор инея на стекле, обречённый рассвету. Но рассвета не будет. Есть только вечер. И ты — его последняя, самая упрямая тень.

Он сделал шаг навстречу. Его фигура не подавляла, не источала ужас. Она была просто... окончательной. Воины «Жалящего Света» отступили, их воля сломлена самим его присутствием. Остался лишь Каэл, вцепившийся в меч с побелевшими костяшками пальцев.

— Я мог бы погасить тебя взглядом, — сказал Морвин, остановившись в двух шагах. — Как я гасил империи. Но это было бы скучно. И несправедливо по отношению к твоей настойчивости.

Он распахнул руки, словно раскрывая объятия. И в этот момент нечто невероятное произошло: давление Вечной Ночи ослабло. Не исчезло, но отступило на полшага вокруг Морвина. Каэл почувствовал, как к нему возвращается дыхание, как в жилы приливает призрак силы. Его меч в руке вдруг показался лёгким и острым.

— Ты хотел сразиться? — голос Морвина прозвучал почти как приглашение. — Сразись. Это твой миг. Миг, который ты вырвал у вечности. Используй его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.